

УДК 398.3
ББК 82.3(2)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. А. АНДРИЕВСКОГО И Н. А. ДОБРОТВОРСКОГО ПО СОБИРАНИЮ И ИЗДАНИЮ ВЯТСКОГО ЭТНОФОЛЬКЛОРНОГО МАТЕРИАЛА (1880-е ГГ.)

ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ ПОЗДЕЕВ

(Вятский государственный университет, Российская Федерация, 610000, г. Киров,
ул. Московская, д. 36)

***Аннотация.** В статье рассматривается деятельность ссыльных А. А. Андриевского и Н. А. Добротворского по собиранию и публикации вятского фольклора. 1880-е годы стали своеобразным «пиком» интереса к народным традициям, обрядам, фольклору русских и инородцев Вятской губернии. Значительный вклад в вятскую фольклористику внесли не только уроженцы губернии, но приезжие и ссыльные. В статье приводятся биографические сведения о названных авторах, объясняются причины их ссылки в Вятскую губернию, приводятся данные об источниках используемых сведений, а также отзывы современников. Большое внимание отводится свидетельствам Андриевского о жертвоприношениях вотяков и других народов Вятки. Представляют интерес и приведенные исследователем факты о процессе крещения инородцев Вятской губернии и народных выступлениях данного периода, в том числе в связи с фактами насильственного введения посадки картофеля. Также приводится полный перечень записанных Добротворским жанров фольклора вотяков и попыткам собирателя интерпретировать национальное своеобразие характера данного этноса. Автор приходит к выводу, что деятельность непрофессиональных фольклористов была разнообразной. А. А. Андриевский использовал официальные документы для описания обрядов вотяков и черемис. Н. А. Добротворский непосредственно записывал фольклорно-этнографический материал от пермяков Орловского уезда Вятской губернии.*

***Ключевые слова:** А.А. Андриевский, Н.А. Добротворский, обряд жертвоприношения, черемисы, вотяки, пермяки, фольклор, предрассудки.*

***Дата поступления статьи:** 9 июля 2019 г.*

***Дата публикации:** 10 декабря 2019 г.*

***Для цитирования:** Поздеев В.А. Деятельность А.А. Андриевского и Н.А. Добротворского по собиранию и изданию Вятского этнофольклорного материала (1880-е гг.) // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 5. С. 206–216.*

***DOI:** 10.26158/ТК.2019.20.5.018*

Интерес к персональной работе собирателей и публикаторов XIX – начала XX в. встраивается в общее русло истории российской фольклористики. Исследователи наследия русских фольклористов и этнографов в области национальных культур большей частью занимаются мифологией, религией, фольклорно-этнографическими комплексами, дающими возможность говорить о древности этноса, его корнях и фольклорной культуре. Работа фольклористов и этнографов в Вятской губернии в 1880-е годы по сбору и фиксации этнофольклорного материала недостаточно изучена, хотя имеются отдельные работы [Поздеев 2017; Поздеев 2018]. В этот период выходили работы С. В. Кошурникова, М. И. Куроптева, В. К. Магницкого, И. И. Смирнова, П. М. Сорокина, А. А. Спицына, Н. Г. Первухина, Г. Н. Потанина, Н. П. Штейфельд, которые фиксировали материалы по истории, быту, фольклору инородцев Вятской губернии. Фонд этнографических и фольклорных материалов Вятского края в основном сформировался именно в период второй половины XIX — начала XX в. В этом деле большую роль сыграли губернские и уездные научные общества: Вятский губернский статистический комитет, Вятская ученая архивная комиссия, Сарапульский земский музей, Малмыжское историческое общество и др. Собиратели-любители активно публиковали фольклорные тексты и сведения о быте на страницах губернских и уездных изданий: «Вятские губернские ведомости», «Календарь и памятная книжка Вятской губернии», «Приложение к материалам по статистике Вятской губернии», «Труды ВУАК», «Известия Сарапульского земского музея», «Труды Малмыжского музея местного края», «Труды Научного общества по изучению Вотского края» и др.

В это же время в Вятскую губернию были сосланы Н. А. Добротворский и А. А. Андриевский, которые оставили заметный след в собирательской и публикаторской деятельности. Уже в 1933 г. известный вятский историк П. Н. Луппов в книге «Политическая ссылка в Вятский край» написал небольшие заметки о них [Луппов 1933].

Преподаватель Екатеринославской гимназии Алексей Александрович Андриевский (1845–1902) в 1879 г. по

распоряжению одесского генерал-губернатора был сослан, по-видимому, за украинофильство, за попытку устройства тайной типографии для печатания украинских книг. Ссылка в Сибирь ему была заменена ссылкой в Вятскую губернию, куда он и прибыл 26 мая 1880 г. П. Н. Луппов отмечал, что в ноябре 1880 г. по состоянию здоровья Андриевский был переведен из Вятской губернии в одну из южных губерний, но с запретом проживать в Одессе и Таврической губернии [Луппов 1933, 72].

А. А. Андриевский почти сразу же был привлечен к работе по написанию нескольких статей для сборника «Столетие Вятской губернии 1780–1880: сборник материалов к истории Вятского края [в 2 т.]. Вятка, 1880–1881». За семь месяцев он написал три статьи. В первом томе помещены «Краткий очерк истории Вятского края до открытия в нем наместничества» и «Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии, за первое столетие с открытия наместничества» (совместно с Н. Бехтеревым, Н. Спасским).

В XIX веке продолжается процесс христианизации нерусского населения Вятки. Об этом А. А. Андриевский составляет статью «Дела о совершении языческих обрядов и жертвоприношений инородцами Вятской губ. (1828–1857)». Также была написана и статья о предрассудках крестьян в период внедрения и распространения в России картофеля «Картофельные бунты в Вятской губернии в 1834 и 1842 годах». В обеих статьях он использует материалы «Вятских губернских ведомостей», в которых неоднократно публиковались статьи о вотяках, черемисах, татарах.

Вятский статистический комитет, под чьим руководством издавалась книга, отметил: «...комитет считает долгом выразить здесь искреннюю благодарность лицам, принявшим деятельное участие в издаваемом сборнике: Н. П. Бехтереву, А. С. Верещагину, Н. Н. Романову, А. А. Андриевскому и А. А. Спицыну. Весьма ценную услугу комитету оказал также архивариус губернского правления Г. В. Блинов, которому комитет также считает долгом выразить искреннюю признательность» [Столетие 1, III].

Заслуживает внимания и историко-этнографический аспект составительской

работы А. А. Андриевского. Так, в «Кратком очерке истории Вятского края до открытия в нем наместничества» он писал о принятии христианства как о важном событии в жизни удмуртов, марийцев, татар. В частности, в третьей главе «Краткого очерка истории Вятского края до открытия в нем наместничества» он отметил, что «важнейшим явлением внутренней духовной жизни Вятского края в XVIII столетии надо признать принятые в первой половине этого столетия меры для обращения язычников Вотяков в христианство...» [Столетие 1, 77]. Далее А. А. Андриевский, рассматривая историю вятской церковной жизни, писал, что «до времени епископства Алексея (1719–1733) крещеных Вотяков не было, кроме одного только села Сырьяно-Никольского (в 45 верстах от г. Слободского), в котором жили Вотяки, принявшие крещение еще в 1553 году "по убеждению неизвестного мужа"». Также он особо выделяет тот факт, что массовое крещение приходится на епископство Вениамина (1739–1741). В то же время крещение удмуртов, по мнению исследователя, было по большей части формальным, «без всякого просвещения их и научения обрядам православной церкви». Что касается епископа Вениамина, то он в короткое время своего пребывания в Вятской епархии успел своею личною энергией положить начало этому делу, для которого нашел и ревностного служителя в лице местного священника Федора Ившина. Названы и причины принятия христианства инородцами. В частности, вятский историк А. И. Вештомов утверждал, что «свобода от рекрутства была главною силою, подвигавшею вотяка к св.(ятой) купели» [Столетие 1, 77–78].

В заключение этой статьи А. А. Андриевский констатирует, что «в действительности просвещение вотяков шло очень туго, но эта, часто даже враждебно принимаемая ими миссионерская деятельность, во всяком разе вносила в жизнь дикого племени элементы дальнейшего развития, заставляя их известным образом приспособляться к новым условиям гражданского быта, выводя их, так сказать, из первобытного состояния на поприще жизни исторической» [Столетие 1, 79].

Обратим внимание на статью А. А. Андриевского «Дела о совершении языческих обрядов и жертвоприношений инородцами Вятской губ. (1828–1857)», которая раскрывала некоторые особенности языческих обрядов и обычаев инородцев (черемис и вотяков) Вятской губернии. Автор дает оценку обрядов инородцев с точки зрения просвещенного интеллигента и называет совершение этих обрядов «значительными сборищами общественных молений с жертвоприношениями» [Столетие 2, 535].

Внимание А. А. Андриевского по преимуществу обращено к обрядам жертвоприношения. Для нас важно, что А. А. Андриевский вслед за теми, кто вел такие дела, описал и свел в единое целое свидетельства о том, как совершались такие обряды у черемис и вотяков в разных волостях Вятской губернии. Автор приводит описания случаев жертвоприношений из дел канцелярии губернатора 1828 г. № 59; 1836 г. № 1154; 1838 г. № 284; 1839 г. № 117; 1840 г. № 161, 163, 168, 177; 1841 г. № 7, 189, 192, 208; 1842 г. № 32, 29, 40, 25; 1843 г. № 64; 1848 г. № 8; 1849 г. № 72; 1850 г. № 710; 1851 г. № 100, 120; 1857 г. № 355. Есть сведения из дела духовной консистории 1828 г. № 1283 «О бывшем отправлении черемисами жертвоприношения по своему языческому обряду и суеверии». В рапортах отмечалось, что их совершали «новокрещенные» инородцы. Любопытно следующее разъяснение: «Так назывались инородцы, крещенные со времени деятельности новокрещенской конторы, учрежденной в царствование Императрицы Елизаветы Петровны в Казани указом, данным Сенату 1740 г. сентября 1 (П. С. З. Т. XI, № 8236), и закрытой при Императрице Екатерине II (П. С. З. Т. XVI, № 12126). Инородцы же, крещенные до учреждения этой конторы, назывались старокрещеными, под этим названием известны, чаще всего татары в Елабужском уезде Вятской губернии» [Столетие 2, 535].

Так, Уржумский земский исправник 4 декабря 1828 г. доносил в рапорте, что 3 декабря в Сернурской волости совершалось жертвоприношение. А. А. Андриевский подробно цитирует материалы этого рапорта. Об этом же событии сообщал и священник села Макарова Андрей

Даровский. «Сошлось до трех тысяч черемис крещеных и некрещеных из губерний Вятской, Казанской и частью Уфимской для совершения идолопоклоннического жертвоприношения» [Столетие 2, 356].

Самое обстоятельное показание дал старик черемисин Иван Токметев. Его показания и собственные наблюдения А. Даровских являются достаточно точными описаниями порядка жертвоприношения: «Карт, приготовивши все нужное, громко созывает весь свой круг и велит всем встать на колени с открытыми головами, между тем сам в шапке стоит пред деревом у стола своего, близ коего привязана и скотина. По прочтении некоторых молитв, берет из огня горящую большую головню и, помахав ею несколько раз кругом, окуривает жертву и гладит ее оною, начиная с головы по всему хребту; потом берет ковш воды и, полив спину скотины, ожидает, пока она встряхнется; тогда все стоявшие до сего времени на коленях в безмолвном ожидании, поклонясь, вскакивают с радостным криком в полной чрез сие потрясение уверенности, что жертва угодна Богу...» [Столетие 2, 537]. Далее в рапорте отмечается, что на другой день в березовой роще, служившей местом жертвоприношения, оказалось 134 огнища. Важным моментом в понимании приверженности к «старой вере» удмуртов являются показания на допросе новокрещена Ивана Токметева (по-русски Федота Алексеева): «...в сентябре месяце, не знаю, которого числа, ночью видел я во сне, что будто я, шедши со множеством черемисского народа по ровному месту, вдруг все мы обрушились в преужасную пропасть, и от того испугавшись, обещались, по избавлении, принести Богу моление» [Столетие 2, 537].

Основным же ритуалом, упоминаемым в различных рода донесениях, является «закалывание разных животных» во имя их «бесов»: «Кереметя, Чимбулата, Немдекурука, Ямшенера, Кюбара и других». Свидетель особо отмечал, что это «они делают не собранием, а порознь и весьма скрытно» [Столетие 2, 539].

А. А. Андриевский довольно подробно раскрывает порядок следствия и дальнейшие действия властей по пресечению таких молений. Например, после событий 4 декабря 1828 г. в Сернуре «следователи спросили 570 человек, в том числе 38 картов...» [Столетие 2, 540]. Интересна и

приложенная к делу Андреем Даровским молитва: «Великий древний Бог! Тебе народ поусердствовал ныне молением, привел скота, принес хлеба, свеч, пива и меда, собравшись пред сим древом: возлюби это и милостиво прими! Боже! дай помощь в жизни народу, дай скота, после сего дай хлеба, после хлеба дай пчел, после пчел просим денег на оплачивание подати Государю, после денег просим лесной ловли, после лесной ловли просим водяной ловли на выручку денег. Милостиво прими! Боже! дай в веке сем хорошего житья Белому Царю и всем молящимся здесь людям, которые привели скота, принесли свечи, принесли хлеба, поставили пива, и кто дал денег. Милостиво прими! Аминь!» [Столетие 2, 540–541]. Такая молитва явно была переведена, но «кумулятивность» просьб отсылает к оригинальным языческим мольбам, в которых введение обращения к «Белому Царю» употреблено традиционно как замена упоминания некоего верховного правителя.

А. А. Андриевский сообщал, что дело о бывшем в Уржумском уезде сборище черемис вызвало отклик во властных структурах. Так, по высочайшему повелению были организованы поездки трех черемис «сновидцев» в Петербург и Москву, командировка из Москвы миссионера Покровского, также было сделано распоряжение Святейшего синода о миссионерской деятельности местного духовенства Вятской губернии.

В статье описывается множество случаев, когда вотяки и черемисы отказываются от крещения: «В сентябре месяце протоиерей Курбановский представил архиерею свой путевой журнал, в котором и прописал встреченные им в своей деятельности затруднения. 14 сентября посетил он обширную и многолюдную деревню Пантаево. Жители ее, подстрекаемые коштаном, буйным и дерзким той же деревни новокрещеном Матвеем Николаевым, решительно отказались от принятия евангельского учения». Он говорил, что «тогда разве оставим мы свои жертвоприношения и богомолья, когда известимся, что все новокрещены бросили оныя, когда семьдесят семь вер языческих уничтожатся» [Столетие 2, 552].

А. А. Андриевский обращает внимание на то, что в делах об инородцах говорится о сохранении «ритуальных зданий».

Епископ Кирилл отношением своим от 28 марта 1831 г. к г. губернатору Ренкевичу сообщал, что «при селе Верхокосинском, как видно из донесения Глазовского миссионера Иосифа Стефанова, сберегаются развалины одного, деревянного языческого молитвенного чума при доме новокрещеного Саввы Сайтова, и хотя в этих развалинах нет уже удобства производить языческие мольбы, но новокрещане приписывают им, особенно же выросшему среди них рябиновому дереву, сверхъестественные действия на отступников от языческих жертвоприношений, утверждая, что развалины сии никогда не могут быть уничтожены, что дерево среди них произросло действием благодати божией, низводимой доселе на землю чрез употребление рябиновых прутьев для окропления на том месте языческих жертвоприношений, и что произросло это дерево для напоминания вотьякам о святости древних обычаев. В той же деревне при дороге, на том месте, где по принятии вотьяками христианской веры была построена первая христианская молитвенная часовня, по упразднении ее поставлен деревянный столб с ящиком, к нему-то новокрещане секретно относят хлеб во время своих болезней и призывают злых духов, чтобы они болезни их перелagали на тех христиан, которые при проезде или проходе бросают в ящик деньги. «Как развалины чума с рябиновым деревом, так и этот столб епископ просил уничтожить чрез благонамеренного земского чиновника секретно от новокрещан» [Столетие 2, 557–558].

Еще в конце 1838 г. вятский Преосвященный доносил Святейшему правительствующему синоду, что «Малмыжского уезда в Мултанском приходе, в 20 верстах от церкви, близ селения Кильмец-Сельты нашел он два языческие мольбища, называемые воржудами или чумами, и что в этих воржудах, похожих на сараи с отверстием вверху, находятся идолы, коим новокрещеные вотьяки приносят в жертву животных и птиц разного рода, по наставлении своих попов или ворожцов» [Столетие 2, 560].

Отмечается, что «миссионер Глазовский протоиерей Иосиф Стефанов представил ведомость об открытых священниками в течение 2-й трети текущего года молитвенных языческих чумов и одним

кереметище, по приходам Узинскому и Мултанскому, состоящим в Малмыжском уезде...» [Столетие 2, 561–562].

А. А. Андриевский в своих материалах невольно фиксировал и некую «солидарность» народов различных вер. Так, в 1836 г. было возбуждено дело о преследовании новокрещеных татар за совершение ими при участии двух мулл, совместно с некрещеными татарами и в присутствии вотьяков, обряда так называемой «окаяшки», который, по доносу, якобы сопровождался публичною молитвою. В доносе также сообщается, что помимо указанных 3 мулл, проживающих в Юберовской и Чутырской волостях, уже несколько лет живет в д. Ворцы пришлый из Омутницкой волости «не указанный мулла» Налли Чаганов. Приводится и описание упоминаемого обряда: «Новокрещеные татары деревни Шемардановской при начатии пашни весною 1836 года, точно, окаяшки совершали, которые заключаются в обычае, издревле предками их отправляемом, следующего рода: когда сделают приступ к пашне, каждый домохозяин с своим семейством приходит в поле, приносит с собою хлеб, соль и разную стряпню, пиво и вино, как бы, по их мнению, для чествования земли и испрошения от нее изобильного урожая хлеба, — где и обедают, угощая пришедших туда коротко знакомых соседних селений вотьяков, а случайно и нарочно приходившим нищим подают милостыню. Публичного и никакого богомолия тут не было. Затем молодые ребята и взрослые, в утешение и похвальбу себе и удовольствию другим, назначают расстояние, скачут верхом на лошадях чья чью перегонит. Отличившиеся получают от собрания подарки, заключающиеся в холщовых полотенцах» [Столетие 2, 559].

Из донесений можно получить сведения о функциональной направленности молений: так, «...в июле месяце 1840 г. производилось "исследование" земским исправником и окружным начальником, причем допрошено было более 70 человек, по следующему случаю: 8 марта два крещеные черемисина дер. Черномужа приносили в лесу жертву кереметю. В висящих под разложенным костром котлах варилось в одном баранина, а в другом рябчик, и подле на елке коптилась часть заколотой лошади, снег был расчищен и

на нем раскладены еловые ветви, около которых кругом воткнуты прутики, на концах их находилось по небольшой частице вынутых из баранины потрохов, против каждого сырая из ржаной муки лепешка и тут же смежно положено по одной картофели. Молились черемисы о даровании здоровья болевшим детям. На этом застал их подлесничий и донес о том окружному начальнику. При следствии черемисы заявляли, что церкви они не чуждаются, требования ее исполняют, но и старой веры в кереметя оставить не могут, полагая, что "кереметь в состоянии исполнить все наши нужды и просьбы, когда мы его о том молить станем"[Столетие 2, 565]; «В деревне Покста 15 ноября 1840 Петр Степанов совершал моление черемисскому богу, именуемому по-нашему "Кюдюрц-Юмо", по-русски "бог грома", следуя вере отцов, дав на таковую жертву обещание, по случаю неурожая хлеба, скота и пчел, назад тому лет тридцать (?), но до прошлого года не мог того исполнить по недостаточному своему состоянию» [Столетие 2, 568].

По завершении обзора различных судебных и гражданских дел А. А. Андриевский делает следующий вывод: «С началом нынешнего царствования языческие обряды и жертвоприношения у инородцев становятся предметом больше научных, этнографических, а не судебных исследований; целесообразно же направленная местная миссионерская деятельность, рядом с школьным образованием инородцев, мало-помалу и вовсе прекращает совершение этих обрядов и жертвоприношений. Указанная еще в 1829 г. Государем Императором мера относительно привлечения инородцев в духовные училища, изучение в духовной семинарии инородческих языков, принятие затем, с открытием земских учреждений, меры относительно образования инородцев — все это содействовало тому, что духовная жизнь инородцев, проявления в среде новокрещен языческих обрядов и жертвоприношений, выйдя из области исследования полиции, мало-помалу стали поддаваться просветительному влиянию школы и местного духовенства» [Столетие 2, 580].

В статье А. А. Андриевского имеются сведения с 1828 до 1857 г., однако в Вятской губернии вплоть до начала XX в.

языческие обряды марийцев и удмуртов фиксировалось в живом бытовании.

В статье о картофельном бунте А. А. Андриевский, описывая волнения крестьян, фиксирует некоторые предрассудки, связанные с картофелем. Были в среде крестьян «толки о закрепощении "барину" или переходе в удел», потому что сажали картофель. Но самым распространяемым слухом был слух о том, что с картофелем приходит новая антихристовая вера. «Говорили о том, что из села Кучум уже вывезли образ Великомученицы Екатерины, а на место его привезли "лик с одним глазом, как коневое копыто". Крестьяне собирались толпами, устраивали сходки и везде решали противиться посеву картофеля и введению новых порядков. Они посылали в ближайшие волости и села, где картофель уже был засеян, ходоков с целью склонить соседей на свою сторону. Посланный в Салтыковское общество крестьянин Косолапов пригласил тамошних крестьян присутствовать на сходе в Быковском обществе. Возвратившись домой, Салтыковцы, в свою очередь, сломали изгородь, окружавшую место, засаженное картофелем, а самый картофель вырыли и разбросали по сторонам» [Столетие 2, 524].

Такое видение обрядов и предрассудков русских, удмуртов и черемис в Вятской губернии характеризует официальные взгляды не только правящего класса, но и церкви.

А. А. Андриевский был прежде всего составителем, он не занимался собирательской работой, поэтому он использовал материалы, опубликованные в «Вятских губернских ведомостях», заимствованные из дел канцелярии вятского губернатора и Вятской духовной консистории. Однако его «выборка» материалов говорит о том, что он объективно подходил к этнографическому и фольклорному материалу.

Иная деятельность в фольклорно-этнографической сфере была у Н. А. Добротворского. Уроженец Бессарабии (родился в 1860 г.), Николай Александрович Добротворский в возрасте 19 лет был выслан в Вятскую губернию из г. Владимира по распоряжению генерал-губернатора. Причиной высылки его было то, что 29 января 1879 г., зайдя в полицейскую часть г. Владимира, он стал угрожать заряженным револьвером приставу 2-й

части и дежурному полицейскому надзирателю. Местный епископ потребовал высылки Добротворского из Владимира, потому что он оказывал «вредное влияние на семинаристов, особенно живущих по квартирам» [Луппов 1933, 70]. Н. А. Добротворский находился в Вятской губернии с 1879 по 1882 г. За это время он смог записать достаточно большой объем материала.

П. Н. Луппов отмечал одну особенность действий царских властей: неприкосновенность переписки политических ссыльных была аннулирована министерским циркуляром 17 августа 1863 г. Уездные исправники пересылали корреспонденцию губернатору, который мог отправить корреспонденцию далее или задержать. «Активность вятской полиции, — писал П. Н. Луппов, — в деле просмотра корреспонденции шла далее: исправники вычеркивали в получаемых и отправляемых письмах те фразы и места, разглашение которых они считали нецелесообразными или неудобными» [Луппов 1933, 58].

По мнению П. Н. Луппова, «...в такой же мере представлялось странно и комичной резолюция Вятского губернского жандармского управления на предназначенной к печати рукописи другого политического ссыльного, Н. А. Добротворского, под заглавием "Пермяки". Резолюция гласила: «Это сочинение может быть допущено к печатанию в "Вестнике Европы"» [Луппов 1933, 60]. После ареста Добротворского отправляют в Вятку, а оттуда в с. Слудку Орловского уезда, которое расположено в среде пермяков. Добротворский испытывал большие денежные трудности, после болезни он был переведен в г. Орлов. К апрелю 1882 г. им был написан этнографический очерк о пермяках. Очерк был отправлен в редакцию журнала «Вестник Европы» и был напечатан в № 59, в 3 и 4-й книжках за 1883 г.

Это была в то время первая и единственная статья о пермяках, основанная на наблюдениях над орловскими пермяками. Кроме этой статьи, в «Вятских губернских ведомостях» было помещено несколько небольших статей: «Раскол в Пинюжанской волости Орловского уезда» (ВГВ 1883, № 6, 7, 10), «Клады в Орловском уезде» (ВГВ 1883, № 12 и 13), «О верованиях пермяков» (ВГВ 1883, № 14).

Н. А. Добротворский был освобожден из ссылки 9 сентября 1882 г., однако вятский губернатор долго не выдавал ему документы на руки и отправил их по почте владимирскому губернатору [Луппов 1933, 71].

В «Вестнике Европы» Н. А. Добротворский опубликовал бытовую и этнографический очерк о пермяках, во вступлении к которому отмечал, что «описание их быта чрезвычайно важно: это — последний и единственный документ истории. У них нет письменности, нет даже преданий и собственных песен, которые могли бы хоть несколько уяснить нам общий характер их прошедшей и настоящей жизни» [Добротворский 1883, 228]. Такой взгляд Добротворского на историю и настоящее пермяков говорит, с одной стороны, о понимании необходимости фиксировать все факты жизни, быта и нравов пермяков, с другой стороны — автор как бы отказывает народу в фольклорной традиции. Далее Добротворский углубляется в этническую историю финских племен. Сведения по истории автор черпает из различных источников. Говоря о численности пермяков, Добротворский приводит цифры: 50 000 живут в Пермской губернии, остальные 10 000 — в Вятской. Ссылаясь на работу Романова, Добротворский отмечал, что жители Кайского края (13 000 чел.) — все обрусевшие пермяки. Также отмечал, что в 1871 г. в Вятской губернии всех инородцев (пермяков, вотяков и черемис) по городам жило только 91 чел., в том числе пермяков 7 чел. муж. пола и 2 жен. пола. Автор очерка дает антропологическую и психологическую характеристику пермяков, описывает жилые и хозяйственные постройки, описывает состояние дома, двора, устройство двухэтажных сараев. Следуя установившейся традиции описания инородцев, фиксирует особенности мужской, женской, детской одежды, обуви, пищи. Внешние признаки пермяков Добротворский сводит к их «чрезвычайному сходству, все они на один покрой» [Добротворский 1883, 3, 251]. Язык их беден и не благозвучен. Что касается песен, то «напев <их> отличается монотонностью и однообразием. В нем слышится безысходная тихая грусть, от которой сжимается ваше сердце...» [Добротворский 1883, 3, 352]. Вместе с тем Добротворский отмечает, что «между

собой пермяки живут дружно, редко ссорятся и не обижают друг друга» [Добротворский 1883, 3, 259]. Значимо и то, что «пермяк — истый земледелец, он любит свою землю, несмотря на то, что она зачастую оказывается неблагоприятной» [Добротворский 1883, 4, 546]. Добротворский описывает не только промыслы пермяков, но большое внимание уделяет свадьбе и положению женщин в пермяцкой семье, также рассматривает мифологические воззрения и связанные с ними похоронные обряды. Автор отмечает, что «колдовство у пермяков в большом ходу. Этим занимаются по большей части женщины, за которыми пермяк признает какую-то особенную, одним им присущую, таинственную силу и способность сноситься с духами и прозревать будущее» [Добротворский 1883, 4, 578]. Добротворский отмечает и соединение некоторых языческих обычаев с христианскими воззрениями: «...пермяки мажут себе кровью, капавшей с жертвы, глаза и лоб. Освеживав жертву, ее разрубаят на части; лучшие отдаются духовенству <...>, артельный котел хранится в церкви. Сваренное мясо приносят к храму и ставят перед папертью. [Добротворский 1883, 4, 579]. Добротворский описывает Ильин день, дожинки — девичий праздник.

В архиве Русского географического общества хранится рукопись Н. А. Добротворского «Сказки, легенды, предания и т.д. (Орловск. уезд), Вятской губ.) Запис. Н. Добротворский» (АРГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 39–41). В первом деле 39, которое озаглавлено «Сказки, легенды, предания и т. д.», приведены записи сказок, легенд, преданий, всего 21 номер. Записаны они в разных волостях Орловского уезда, № 1, 2 — в Пинюжанской волости, № 3 — в д. Тороповой, № 4 «Сказание об Антихристе» — в с. Пинюжанском от раскольников, № 5 — записано со слов Александра Торопова, крестьянина д. Тороповой, № 6 «Откуда медведи пошли» — записано в г. Орлове, № 7 — записано в с. Великорецком, № 8 «Отчего у человека в "нутре" грязно» — записано в с. Соловецком, № 9 «Об Иване, сыне крестьянском и Марье-царевне» — записано со слов Орины Халтуриной, д. Халтурины и т. п. Например, № 11 «Откуда баба пошла» записано в г. Орлове, со слов солдата, здешнего уроженца [Поздеев, 2019].

Второе дело № 40 называется «Этнографические данные Орловского у., Вятской губ.» (18 с.). Добротворский отмечал, что «Из всех уездов Вятской губ. мы выбрали для исследования Орловский — не потому, что он представляет особый интерес в этнографическом отношении, а просто потому, что, волею судеб, должны были безвыездно прожить в обозначенном уезде около трех лет» [Добротворский рукопись. Д. 40. Л. 1].

В деле № 41 «Песни» (21 с.) Н. А. Добротворский представил 46 номеров песен. Он отмечал, что песня № 1 «Что, мой милый, запеваешь?» записана «от подгородных крестьян» в г. Орлове. Затем дает большой комментарий к песне № 2 «Поиграй, моя гармошка...»: «Окончание нецензурное. Записано в с. Слудка, Орловского у., Вятской губ. у пермяков. Песня эта самая распространенная здесь; поют ее и с аккомпанементом гармоники и без нее, и старые, и молодые, и даже дети. К слову замечу, что с. Слудка лежит на большой дороге; здешние пермяки совсем обрусели, приняли русскую одежду, нравы многие, переменили даже свой язык на русский» [Добротворский рукопись. Д. 41. Л. 2 об.]. В конце дела № 41 Добротворский описывает особенности исполнения песен, отмечает соединение их с игрою. Также говорит о том, что некоторые тексты доставлены ему «лицами посторонними» [Добротворский рукопись. Д. 41. Л. 27 об. — 28].

Сопоставляя работу двух ссыльных в Вятскую губернию в 1880-е г. А. А. Андриевского и Н. А. Добротворского, можно установить ряд закономерностей. Так, А. А. Андриевский, старший по возрасту и имеющий образование, был задействован в составлении статей историко-этнографического характера, однако, в силу разных причин, он не вел собирательскую работу. Его статьи были важны тем, что он обобщил материал об отношении инородцев к крещению и старой вере, сделал выписки из дел, в которых интерпретировались обряды жертвоприношения. Н. А. Добротворский, в силу возраста и, вероятно, обладающий энергией и упорством, проделал очень трудную, но важную собирательскую работу в среде орловских пермяков. К сожалению, мы не обладаем сведениями, какими программами Н. А. Добротворский пользовался при записях

и составлении очерка. Однако материал, который он оставил, говорит о том, что он следовал уже сложившейся собирательской традиции второй половины XIX в. На основе собранного материала он

оформил очерк о пермяках, отослал в архив РГО свои материалы, которые стали своеобразным «образцом» для продолжения работы в среде пермяков.

Источники и материалы

ВГВ — Вятские губернские ведомости. 1883. № 6, 7, 10, 12, 13, 14.

Добротворский 1883 — *Добротворский Н. А.* Пермяки // Вестник Европы. 1883. № 59. Кн. 3; Кн. 4.

Добротворский рукопись — *Добротворский Н. А.* Рукопись. АРГО. Ф.10. Оп. 1. Д. 39–41.

Луппов 1933 — *Луппов П. Н.* Политическая ссылка в Вятский край. М.: Изд. Всесоюз. общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. 208 с.

Столетие 1 — Столетие Вятской губернии. 1780–1880: Сб. матер. к истории Вятского края: В 2 т. Т. 1. 1880. III [1], Вятка, 1880–1881. 388, 110 с.

Столетие 2 — Столетие Вятской губернии. 1780–1880: Сб. матер. к истории Вятского края: В 2 т. Т. 2. 1881. [2], Вятка, 1880–1881. 389–852, 111–186 с.

Исследования

Поздеев 2017 — *Поздеев В. А.* Собрание вятского фольклора любителями-фольклористами во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 12. С. 174–178.

Поздеев 2018 — *Поздеев В. А.* Эволюция инструментария и вопросов о народах Поволжья XVIII — начала XX в. // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 5. С. 43–54.

Поздеев 2019 — *Поздеев В. А.* Религиозные сюжеты и эмоциональные аспекты легенд в записях Н. Добротворского (Орловский уезд Вятской губернии) // Литература Древней Руси: матер. X Всерос. конф. «Древнерусская литература и ее традиции в литературе Нового времени», посв. памяти проф. Николая Ивановича Прокофьева. (г. Москва, 6–7 декабря 2018 г.) / Сост. Н. В. Трофимова. М., 2019. С. 272–281.

© В. А. Поздеев, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Поздеев В. А. <https://orcid.org/0000-0002-2880-8162>

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета: Российская Федерация, 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36; тел.: +7 (912) 726-48-44; e-mail: slavapozd@yandex.ru

A. ANDRIEVSKY AND N. DOBROTVORSKY AS COLLECTORS AND PUBLISHERS OF FOLKLORE AND ETHNOGRAPHIC MATERIAL OF VYATKA (1880s)

VIACHESLAV A. POZDEEV

(Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methodology, Vyatka State University: 36, Moscovskaya str., Kirov, 610000, Russian Federation)

Summary. *The paper regards A. Andrievsky's and N. Dobrotvorskyy's activities as collectors and publishers of folklore of Vyatka province. The above-mentioned amateur researchers were in exile in Vyatka province. The 1880s proved to be a climactic point of interest to traditions, rites and folklore of Vyatka province (both of Russians and representatives of other nations). Migrants and the exiled contributed considerably to Vyatka folklore studies. In the paper there is biographical information on the above-mentioned authors; reasons for their exile to Vyatka province are introduced; sources of the given information are referred to; contemporaries' opinions are presented. Much attention is paid to Andrievsky's evidence of sacrifices made by Votyaks and other nations inhabiting Vyatka. There are interesting facts concerning the process of christening non-natives of Vyatka province and people's manifestations against potato planting imposed by government. Also, a full list of Votyaks' genres of folklore made by Dobrotvorskyy is presented. The collector's attempts to interpret peculiarities of the given nation are revealed. The author concludes that the amateur folklorists' activities were various. A. Andrievsky resorted to official documents to describe Votyaks and Cheremis. N. Dobrotvorskyy preferred to record ethnographic materials from former inhabitants of Perm living in Orlovskiy uyezd of Vyatka province.*

Key words: A. Andrievsky, N. Dobrotvorskyy, rite of sacrifice, Cheremis, Votyaks, inhabitants of Perm, folklore, prejudices.

Received: July 9, 2019.

Date of publication: December 10, 2019.

For citation: Pozdeev V.A. A. Andrievsky and N. Dobrotvorskyy as collectors and publishers of folklore and ethnographic material of Vyatka (1880s). *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 5. Pp. 206–216 In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.5.018

References

Pozdeev V. A. (2017) Sobiraniye vyatskogo fol'klora lyubitelyami-fol'kloristami vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. [Process of collecting folklore of Vyatka by amateur folklorists in the second half of the 19th — the beginning of the 20th century]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Vyatka State University]. 2017. No. 12. Pp. 174–178. In Russian.

Pozdeev V. A. (2018) Evolyutsiya instrumentariya i voprosnikov o narodakh Povolzh'ya XVIII — nachala XX v. [Evolution of tools and questionnaires on peoples of the Volga region (18th – beginning of the 20th century)]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2018. Vol. 19. No. 5. Pp. 43–54. In Russian.

Pozdeev V. A. (2019) Religioznyye syuzhety i emotsional'nyye aspekty legend v zapisyakh N.

Dobrotvorskogo (Orlovskiy uyezd Vyatskoy gubernii) [Religious plots and emotional aspects of legends as recorded by N. Dobrotvorskyy (Orlovskiy uyezd of Vyatka province)]. In: *Literatura Drevney Rusi. Materialy X Vserossiyskoy konferentsii "Drevnerusskaya literatura i eye traditsii v literature Novogo vremeni", posvyashchennoy pamyati professora Nikolaya Ivanovicha Prokof'yeva* [Literature of Ancient Rus': materials of the X All-Russian conference "Old Russian literature and its traditions in literature of the Modern Age", devoted to professor N. I. Prokofiev] (Moscow, 6–7 December, 2018). Comp. by N. V. Trofimova. Moscow. Pp. 272–281. In Russian.

© V. A. Pozdeev, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Viacheslav A. Pozdeev <https://orcid.org/0000-0002-2880-8162>

E-mail: slavapzd@yandex.ru

Tel.: +7 (912) 726-48-44

36, Moscovskaya str., Kirov, 610000, Russian Federation

DSc in Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methodology, Vyatka State University

This is an open access article distributed
under the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY4.0)